Андрей Львович Ливадный
Смежный сектор

Аннотация

Им казалось, что Мир (а именно так они воспринимали свой гигантский космический корабль) был изначально создан для вечной войны с Чужими, от которых людей отделял зловещий Смежный сектор. Внешняя Атака погубила знающих и разорвала связь с родной планетой, а невежество уцелевших породило страх и вражду. Но горстке землян и ксеноморфов, нашедших в себе силы преодолеть ненависть и недоверие, удалось повернуть время вспять и изменить предначертанный Иными ход событий…

Пролог.

Под ногами поскрипывал искрящийся на свету голубоватый снег.

Несмотря на низкую гравитацию, человек шел, пошатываясь, выбиваясь из последних сил: на его плечах тяжким грузом повисло безвольное тело, облаченное в испачканный грязью, местами заляпанный кровью скафандр.

Опущенные забрала гермошлемов не позволяли рассмотреть лиц.

Шаг…

Рифленая подошва скользит, ломая корку кислородного снега, рука в поисках опоры касается закругляющейся стены, в которой через равные промежутки расположены овальные иллюминаторы, покрытые изнутри толстым слоем инея.

Вибрация. Разреженный воздух плохо передает звук, но осязание подсказывает: где-то рядом работает

мощный механизм, вращающий заиндевелую трубу тоннельного перехода. Пальцы срываются, скользят по гладкой поверхности, стирая слой замерзшего конденсата, и по ту сторону толстого стекла внезапно проступает чернильный мрак бездны, исколотый серебристыми искорками неимоверно далеких звезд.

Сознание человека едва ли обращает внимание на этот факт. Все его силы, физические и моральные, подчинены сейчас одному стремлению, — идти, двигаться вперед, во что бы то ни стало…

Еще один шаг.

Безвольное тело давит на плечи, предательская корка снега ломается, ноги скользят, теряя опору, и он неловко падает набок.

Все… Привал…

Он наклоняет голову, снимая с себя

кольцо связанных в запястьях рук. Внезапно накатывается неодолимое желание открыть забрало гермошлема, набрать пригоршню голубоватого снега и ощутить, как заломит зубы от холода, когда мелкие кристаллики начнут таять во рту…

Нельзя. Атмосфера в тоннельном переходе слишком разрежена.

Он хорошо знал данный проход. Его называли «коридором мертвых», из-за нескольких тел, оставшихся тут с незапамятных времен. Вмерзшие в утолщающуюся год от года наледь, они выглядели, как гротескные скульптуры.

Мысль о кристаллах кислородного снега ушла, но рука продолжала неосознанно шарить вокруг, пока под пальцы внезапно не попал небольшой сферический предмет.

Человек машинально поднял находку.

В моменты полного изнеможения сознание само ищет спасительные мелочи, за которые можно зацепиться, чтобы не потерять ощущение реальности, — они позволяют рассудку отступить от края пропасти, не поддаться влекущему зову отчаянья…

…Маленький сферический предмет лежал на ладони, его матовая поверхность тускло отсвечивала, отражая блики освещения. На корпусе шара, под прихотливым узором наледи, виднелись точечные отверстия, за которыми таились различные сенсорные системы. В средней части сфероид опоясывало небольшое вздутие, на котором взгляд различал гнезда реактивных микродвигателей.

Несмотря на внешнюю целостность обшивки, шар выглядел статичным, нефункциональным, на нем, как и на всех окружающих предметах, лежал

слой изморози, под которым с трудом угадывалась нанесенная много лет назад маркировка:

«Изготовлено в России. Арапинский завод самодостаточных микросистем. Модель ИПАМ-17»[1].

Человек некоторое время смотрел на маленький сфероид, затем машинально сунул его в нагрудный клапан разгрузки, надетой поверх скафандра.

Короткий отдых грозил перерасти в полный статис. Он понимал это, несмотря на свинцовую усталость, сковывающую тело и разум.

Нужно двигаться. Преодолеть себя и идти.

Он снова наклонил голову, проталкивая гермошлем в кольцо занемевших рук находящегося в бессознательном состоянии друга.

Идти. Двигаться. Только вперед…

---

[1] ИПАМ — Искусственный псевдоинтеллектуальный автономный модуль.

* * *

Прошло без малого двое суток, прежде чем он сумел добраться до загерметизированных жилых помещений, среди которых располагался медицинский модуль.

К этому моменту он уже едва соображал, где находится и что делает, действуя скорее машинально, чем осознанно. Усталость пересилила все остальные чувства, сознание стало обрывочным, и неудивительно, что он совершенно забыл о подобранном в тоннельном переходе сфероиде.

Последние усилия человека, так упорно стремившегося попасть в медицинский модуль сектора, были направлены на то, чтобы сохранить искорку жизни, все еще теплящуюся в организме тяжело раненного друга.

Что он мог сделать для него?

Немного, учитывая собственное состояние. Освободившись от гермоперчаток скафандра, он отыскал взглядом ближайшую ко входу автоматическую реанимационную камеру и, выбиваясь из последних сил, стал укладывать в нее безвольное тело, даже не сообразив, что с раненого следует снять скафандр.

Он понял свою ошибку только в тот момент, когда прозрачная верхняя часть сложного агрегата отказалась опускаться, а на ближайшем терминале кибернетической системы зажглись предупреждающие огни.

Он вновь склонился над телом друга, и в этот момент шар выскользнул из нагрудного клапана разгрузки, ударился об пол и откатился в сторону, к основанию комплекса медицинской аппаратуры.

Естественно, изможденный человек не обратил на это никакого внимания. Он непослушными пальцами расстегивал гермоэкипировку, чтобы дать возможность автоматике приступить к осмотру и оказанию первой помощи так и не приходившему в сознание другу.

Элементы скафандра падали на пол, за ними последовала пропитанная кровью одежда.

На консоли управления один за другим стали вспыхивать изумрудные сигналы индикации. Прозрачная крышка реанимационной камеры дрогнула и начала автоматически опускаться.

Все…

Теперь он сделал все, что мог. Оставалось лишь надеяться и ждать.

Человек в последний раз взглянул на землистое лицо товарища, затем,

опираясь рукой о попадающиеся на пути предметы, побрел к выходу из медицинского отсека.

Он хотел одного — спать.

Маленький, не подающий признаков функциональности шар остался лежать на полу, погребенный под окровавленной одеждой.

Покрывавший его иней давно растаял, и теперь смешанная с влагой кровь капала на корпус, скатываясь по нему розоватыми дорожками.

* * *

Под грудой влажной одежды сохранялось тепло.

Неизвестно, что происходило с помещенным в реанимационную камеру человеком, но маленький сфероид постепенно приходил в себя после многолетнего стасиса.

Под прочной оболочкой из металлокерамического материала медленно накапливалась энергия, поставляемая термоэлементами, работающими на разнице температур между окружающей средой и внутренним пространством сферического аппарата.

Искусственно созданная нейросеть, составляющая основу вычислительного устройства сфероида, являлась сложной самоорганизующейся системой, в основу которой были заложены принципы кодирования и обработки данных, заимствованные у биологических прототипов.

Для поддержания функций искусственной нейросети было достаточно небольшого количества энергии: микроток, выработанный термоэлементами, оказался слишком слабым для восстановления

вспомогательных сенсорных систем, но его вполне хватило для модулирования импульсов возбуждения на входе нейросети.

Искусственная нейронная сеть очнулась — именно очнулась, а не включилась, и первым ее действием стала безуспешная попытка принять импульсы обратной связи.

Мрак.

Тишина.

Полное отсутствие сигналов от сенсорных систем.

Он вновь осознавал себя, но не воспринимал окружающей реальности.

Для нейросети, пусть и искусственной, это являлось шоком.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СМЕЖНЫЙ СЕКТОР

ГЛАВА 1

Настоящее…

Доминик Ван Хеллен проснулся от тихого, вкрадчивого, царапающего звука.

В отсеке сквозило холодом. Система вентиляции вторую неделю сбоила с подогревом регенерированного воздуха. Не хватало ресурсов, — как всегда, на исходе годичного периода большинство автоматических устройств входило в энергосберегающий режим, поддерживая лишь минимум своих функций.

Разбудивший его звук повторился.

Рука медленно скользнула вдоль торца откидной койки, пока пальцы не сомкнулись на пористой поверхности

рукоятки оружия.

Ван Хеллен замер, превратившись в слух. Царапающий звук приближался, становясь отчетливее, резче.

Тусклый, желтоватый свет, исходящий от маленького плафона дежурного освещения, превращал тьму в серый сумрак, очертания предметов казались зыбкими, расплывчатыми

Совсем, как в холодные месяцы… — машинально подумал Доминик, оценив обстановку.

Звук на время исчез, будто замер, потом появился вновь.

Кто-то продвигался по системе вентиляционных каналов, теперь в этом не оставалось никаких сомнений.

Взгляд Ван Хеллена уже достаточно свыкся с полумраком, чтобы разглядеть забранное в металлическое жалюзи отверстие системы централизованной подачи воздуха. Настороживший его

звук мог исходи гь только оттуда.

Опять тишина. Обманчивая, вязкая, тревожная.

Доминик медленно извлек оружие из самодельных захватов; рука ощутила, как синтетическая ткань одеяла щекочет запястье

Скрежет.

Кто это? Заблудившийся ремонтный кибермеханизм?

Ван Хеллена смущал звук. Когда металл царапает по металлу, он громче, отчетливее, а этот был тихим, словно крадущимся…

Ближе…

Дыхание Доминика оставалось ровным. Он был спокоен, как боевая пружина, вставшая на взвод.

Еще ближе…

Вот наконец и смутный силуэт. Пластины жалюзи тускло отсвечивали, оттеняя гнездящийся за ними мрак.

Если сейчас блеснет металл — там робот, — мысленно рассудил Ван Хеллен

Не блеснул.

Серый силуэт появился в поле зрения. Существо, передвигавшееся по системе вентиляции, едва помещалось в тесном пространстве воздуховода; оно ползло очень медленно, стараясь производить как можно меньше шума, и нужно признать, это ему почти удавалось.

Если б в отсеке спал кто-то другой, то, возможно, ксеноморф миновал бы опасный участок, оставшись незамеченным, но инстинкты Ван Хеллена не притупились с возвращением домой. Он по привычке просыпался от каждого шороха, и как выяснилось — не зря.

Тишину отсека порвал короткий, сиплый вздох прицельной очереди.

Титановые шарики взвизгнули, прошибая металлопластик; вниз с грохотом и лязгом посыпались пластины разбитых жалюзи, вслед которым на пол с неприятным влажным шлепком упало что-то мягкое.

Ван Хеллен отшвырнул одеяло, вскакивая с постели, и в этот момент раздался оглушительный взрыв, слепящий сполох сверкнул под самым потолком, горячая, упругая воздушная волна сбила его с ног, окружающие звуки мгновенно исчезли, оставив лишь тягучий, застрявший в сознании отголосок контузии да кисловатый запах взрывчатки, смешанный с *вонью,* от которой тут же начало выворачивать внутренности.

Токсин…

Он судорожно подавил инстинктивный вдох и, пошатнувшись, встал, одной рукой удерживаясь за

стену. Перед глазами плыли багровые круги.

Не вдыхая, он на ощупь нашел встроенный в переборку скафандровый отсек, рывком сдвинул декоративную панель, мельком обратив внимание на застрявшие в ней осколки металла, и схватил гермошлем, от которого тянулся пластичный гофрированный шланг системы автономной подачи воздуха.

Поймав губами мундштук кислородного аппарата, Ван Хеллен сделал несколько судорожных вдохов, чувствуя спазматическую резь в груди.

Некоторое время он стоял у стены, прислонившись спиной к переборке, одна рука удерживала снятый с полки гермошлем, другая по-прежнему сжимала короткоствольный импульсный автомат.

Дым постепенно начал рассеиваться,

багровые круги превратились в мелкие искорки, неохотно, издалека возвращались звуки: слабое потрескивание остывающего пластика, неожиданный лязг еще одной сорвавшейся с потолка металлической пластины, тонкое шипение воды, брызжущей из системы аварийного пожаротушения…

Пальцы Доминика медленно перемещались по внутренней поверхности шлема, пока не наткнулись на маленькую сенсорную панель, закрепленную на ободе забрала.

Сухо щелкнул включившийся коммуникатор.

— Постышев, слушаю, — раздался молодой, еще не огрубевший голос.

— Нарушение периметра, — хрипло выдавил Доминик, отпустив мундштук дыхательного аппарата. — На связи Ван Хеллен. Я только что застрелил

ксеноморфа в системе вентиляции!..

* * *

Минуту спустя в отсеке появилась группа немедленного действия.

Ярко вспыхнул свет.

— Там. — Доминик указал на внушительную дыру с почерневшими оплавленными краями, зияющую в том месте, где располагался выход вентиляционной шахты.

Один из бойцов, включив фонарь гермошлема, ловко подтянулся, схватившись за изуродованный взрывом край переборки.

— Тут никого, — сообщил он. — Все разворочено.

— Это был ксеноморф. Боевая особь, — откликнулся Ван Хеллен, жестом отказываясь от медицинской помощи. — Сканируйте систему

воздуховодов, он мог быть не один.

— Почему произошел взрыв?

Хороший вопрос.

Ван Хеллен вдохнул воздух отсека. Запах токсина почти исчез.

— Думаю, эта тварь волокла взрывное устройство, — поморщившись, ответил он и тут же добавил: — Не стойте, мрак вас всех раздери! Со мной все в порядке! Ищите!..

Подгоняемые его бранью, фигуры в скафандрах высыпали в коридор, оставив дверь открытой нараспашку.

Доминик лишь сокрушенно покачал головой, посмотрев им вслед.

Он уже окончательно пришел в себя. Аккуратно положив гермошлем назад, на предназначенную для него полку, Ван Хеллен подошел к дыре.

Ему не нужно было обращаться к чертежам и схемам: мысленно

представив направление воздуховода, он совместил воображаемую линию с расположением близлежащих отсеков.

Существовало расхожее мнение, что боевые особи ксенобиан не обладают разумом.

Ван Хеллен отлично знал — это не так. Он не брался судить, есть ли у них ассоциативное мышление, осознают ли они факт собственного бытия, — Доминик твердо знал лишь одно: они успешно учатся у людей, прекрасно владеют не только врожденным, но и трофейным оружием и никогда не повторяют однажды совершенных ошибок.

Тонко запищал закрепленный на запястье КЛС[2].

— Да.

— Доминик, ты в порядке? —

[2] КЛС — Коммуникатор Личной Связи. Прибор ограниченного радиуса действия, обычно настроенный на один защищенный канал.

раздался знакомый голос.

— Нормально, — ответил Ван Хеллен. — Слегка контузило, немного глотнул токсина. В общем, по мелочи.

— Есть предположения?

— Только одно — ксеноморф полз по твою душу. Ник. Наши отсеки расположены рядом. Так что ему оставалось метров двадцать.

— Значит, это не массированная атака?

— Думаю, нет. Ты знаешь ксенобиан. Они не стали бы сидеть, как крысы, в вентиляции, ожидая, пока их выкурят оттуда. Ксеноморф был один. А охрана периметра — бестолочи.

— Зайди ко мне. Нам нужно поговорить.

— Хорошо, сейчас.

Ван Хеллен отключил коммуникатор и взглянул на пробоину, поморщившись от устойчивого,

неприятного запаха.

Теперь в отсеке будет вонять еще неделю, не меньше, — с досадой подумал он.

* * *

Громко, вызывающе лязгнула затворившаяся дверь.

Человек, сидевший за столом, поднял голову. Покрасневшие глаза, бледное, осунувшееся лицо, на которое мертвенным отсветом падало тусклое сияние расположенного по левую руку компьютерного экрана, — все это создавало предельно усталый образ.

Взглянув на вошедшего, Астафьев кивнул, указывая взглядом на кресло с потертой обшивкой.

— Заходи, Доминик. Садись.

Они были ровесниками, но по сравнению с Николаем, Ван Хеллен

выглядел совсем иначе: высокий, мускулистый, подтянутый, с проседью в коротко стриженных волосах и цепким взглядом карих глаз на смуглом лице.

Взяв стул, он бесцеремонно повернул его задом наперед, сел, облокотившись о гнутую металлическую спинку, и хмыкнул, искоса взглянув на монитор.

В качестве информационной заставки Астафьев использовал таймер обратного отсчета.

«До включения систем годичного перераспределения ресурсов осталось сто девятнадцать часов сорок три минуты», — гласила застывшая на экране надпись.

Интересно, он давит на психику себе или посетителям? — невольно подумал Ван Хеллен.

— Нашли точку прорыва? — спросил он, нарушая непонятное молчание,

возникшее после приглашения сесть.

— Да. — Астафьев крутил между пальцами световое стило, которым пользовался для разметки схем на компьютерном планшете. — Старый воздухозаборник. Восьмой сегмент периметра.

Ван Хеллен мысленно представил указанный участок.

— Там вакуум.

— Верно. — Стило внезапно хрустнуло, сломавшись. — Ксенобиане использовали стандартное оборудование для ремонта обшивки. Легкий переходной тамбур и аппарат плазменной резки металла… — Николай аккуратно положил на стол обломки хрупкого устройства ввода.

— Ксеноморф полз по твою душу, Ник, — повторил Ван Хеллен. — Но это следствие, — тут же добавил он. — Я не вижу причины. Почему они вдруг

решили, что покушение на тебя даст им преимущество в годичной схватке? Это, во-первых. Во-вторых, откуда у них *наше* взрывное устройство и точная информация о расположении отсеков и воздуховодов?

Астафьев поднял голову и посмотрел в глаза Доминику.

— Помнишь, как все начиналось? — неожиданно спросил он.

Тот лишь коротко кивнул. Такое не забывается. Никогда.

Прошлое…

Они отступали.

Схватка за ресурсы была безнадежно проиграна, от отряда в пятнадцать человек осталось лишь двое бойцов: юноши, которым едва исполнилось по восемнадцать лет.

Один из них не мог идти. Левая нога, прошитая очередью из бионического автомата, распухла, почернела, мышцы под воздействием токсина превратились в дряблый студень.

Ему было страшно. Очень страшно. Ногу не терзала боль, он просто не ощущал ее как часть тела, и от этого становилось жутко…

— Брось меня, Доминик… — прохрипел раненый, когда между мертвыми деревьями чужого леса показались преследующие их фигуры ксеноморфов. — Оставь мне автомат и уходи. Умоляю тебя!..

Ван Хеллен, пошатнувшись, остановился, затем обессиленно опустился на колени, позволяя другу разомкнуть коль, по рук и мешковато сползти с его спины.

— Даже не думай, Ник. — Побелевшие губы Доминика

вытянувшиеся в тонкую бескровную линию, мелко дрожали. Страх и ненависть били через край, чувства рвались наружу изливаясь в непроизвольном сокращении мышц, выходили с мутным взглядом выцветших от усталости глаз, с резкими движениями непослушных пальцев, меняющих пустой магазин импульсного автомата.

Астафьев неуклюже отполз вбок, под защиту поваленного древесного ствола.

Та самая поляна… — внезапно понял он, разглядев знакомые зарубки. От свежих воспоминаний захотелось взвыть. Неужели всего пять дней назад они останавливались тут, чтобы сменить скафандры на боевую экипировку, — сильные, здоровые, полные решимости пойти до конца и победить…

Слезы катились по щекам.

Парализованная нога зацепилась за ветку, и он вдруг не выдержал, — скрипнув зубами, достал термическую-гранату, сжал сенсор активации и хрипло выкрикнул:

— Уходи, Доминик!

Сзади послышался шорох, цепкие пальцы впились в плечо, над самым ухом раздалось частое прерывистое дыхание, и, вторя ему, сипло зачастил ИПК [3], срубая длинной очередью подкравшихся почти вплотную врагов.

Титановые шарики крошили хитин, рвали чуждую плоть, визгливо рикошетили, срубая ветки с мертвых деревьев черного леса…

— Бросай!

Астафьев почувствовал, как ИПК с дрожью выплюнул остаток боекомплекта и смолк.

Сейчас… Сейчас они встанут…

---

[3] ИПК — Импульсный пистолет-пулемет системы Кердябина.

Замах получился слабым, продолговатый цилиндрический корпус гранаты пролетел с десяток метров и, стукнувшись о ствол дерева, отскочил назад.

Ван Хеллен навалился на Николая сверху, вжимая его лицом в хрусткое крошево из сломанных ветвей и похожих на кремниевые чешуйки листьев.

Впереди раздался приглушенный хлопок, и внезапно взъярилось белое, ослепительное пламя. Жар волной прокатился над самыми головами; Доминик ощутил, как изодранная куртка начинает съеживаться на спине, но ствол поваленного дерева все же укрыл их от близкого разрыва термической гранаты.

— Там скафандры… — Ван Хеллен изогнулся, освободив Николая. — Ползи!

Астафьев не смог ослушаться. В хриплом голосе Доминика клокотала нечеловеческая ярость, не оставляя места для «но», — это был приказ, и Николай, минуту назад готовый распрощаться с жизнью, подчинился, пополз, хватаясь руками за выпирающие, узловатые корни Чужих деревьев, подтягивая наполовину парализованное тело, пока не увидел зарубку, указывающую место, где они спрятали скафандры.

Сзади вновь ударил ИПК.

…

Ван Хеллен вытащил его.

Память Николая сохранила лишь смутные, полубредовые обрывки воспоминаний об их трудном пути через зону разгерметизированных отсеков до первого шлюза, за которым начинался человеческий сектор.

По-настоящему он пришел в себя

спустя месяц, уже после ампутации ноги.

В обширном отсеке, громко именуемом «госпиталь», царствовала автоматика. Тишину помещения нарушали лишь вздохи работающих механизмов да тонкий писк контрольных сигналов, глаза неприятно резал стерилизующий ультрафиолет специальных ламп.

Раньше, до ранения, Николай никогда не заходил сюда — не было нужды, да и побаивался, и вот теперь он оказался в полном одиночестве, наедине с таинственными машинами, сохранившимися в разрушительных столкновениях прошлого.

После Внешней Атаки и единственно полномасштабного сражения людей и ксенобиан, которое привело к трагическим последствиям для обеих сторон, выжившие стали с недоверием

относиться к уцелевшим машинам. Здесь возникал парадокс — жизнь без участия автоматики была попросту немыслима, но в то же время никто не следил за кибернетическими устройствами — их предпочитали воспринимать как данность, нечто сосуществующее параллельно…

И все же полностью проигнорировать компьютеры, связанные с системами жизнеобеспечения, не могли ни люди, ни ксенобиане…

…Он то проваливался в короткий сон, то вновь просыпался, быстро утомляясь от бодрствования, — такое состояние длилось долго, никто не заходил к нему, но иначе и не могло быть: медицинские отсеки пользовались дурной славой, здоровых людей автоматика попросту игнорировала, а раненые или больные

либо вообще не возвращались отсюда, либо хранили молчание, не в силах объяснить, что с ними проделывали таинственные машины.

Невежество, утрата знаний порождали самые невероятные слухи, закономерным итогом которых стал устойчивый иррациональный страх, формирующий субъективные понятия.

…Однако шло время, а подсознательная тревога не оправдывалась. Раз за разом, выкарабкиваясь из пучин глубокого, граничащего с беспамятством сна, он чувствовал себя лучше. Периоды бодрствования становились все более продолжительными, прозрачная крышка, поначалу отгораживавшая его от внешнего мира, куда-то исчезла, но автоматика не прекратила манипуляций над травмированным организмом — незримые, но *ощущаемые* устройства

массировали тело, сквозь тонкие трубочки постоянно подавались какие-то жидкости, Астафьев впервые не чувствовал возникающего время от времени голода, но это не радовало, а наоборот — пугало.

Он понемногу приходил в себя, возвращая утраченное восприятие реальности

Не имея возможности увидеть себя со стороны, Николай невольно прислушивался к ощущениям тела, особенно в моменты, когда начинали свою работу микромассажеры.

Левой ноги не было.

Понимание этого пришло внезапно, как страшное откровение. Она не онемела, *ее отрезали.* Мысль тут же начала угасать вместе с разумом, перед глазами появилась мутная пелена, и спустя мгновение он впал в глубокое забытье.

…Очнувшись от долгого, полного кошмарных сновидений сна, он не испытал повторного шока. Мысль о том, что он превратился в одноногого калеку, каким-то образом прижилась в рассудке, не причиняя острой душевной боли, — сон, словно губка, впитал мучительные переживания, частично примирив разум с ужасающим фактом.

Он попытался пошевелиться, но не смог Хотел вспомнить, что происходило с ним до ранения, однако память глубоко спрятала травматические впечатления, неохотно отдавая лишь смутные, размытые образы.

Что-то нивелировало его психику, не позволяя сосредоточиться на недавних событиях, возможно, таким образом на него воздействовали препараты, вводимые в кровь автоматической

системой поддержания жизни, — во всяком случае, вместо стресса он ощущал отрешенность, покой… хотя в его положении подобная реакция выглядела неестественной.

Прошло и это.

Время постепенно утратило смысл, потеряло статус физической величины

Рассудок работал вяло. Он ощущал, как переборки с разными интервалами аритмично вибрировали, но далеко не сразу сообразил, что дрожь металлоконструкций передает отголоски долгого, то затухающего, то возобновляющегося с новой силой боя, который шел где-то рядом, на подступах к жилым секторам.

Возможно, ксеноморфы, вдохновленные победой в смежном секторе, решили окончательно расправиться с людьми

Астафьева не волновало даже это.

Он лежал, глядя на тусклые, изменчивые узоры индикационных сигналов, и думал, но не о потерянной ноге — его мысли сливались с огоньками автоматических систем, мерцали, пытаясь вжиться в их ритм, и разум, который не мог оставаться пустым, бездумным, постепенно начал абстрагироваться от реальности*1* в рассудке возникали вопросы, над которыми Николай прежде никогда не задумывался.

Зачем я жил? — со странной отрешенностью спрашивал себя он — *Ради чего мы рождаемся и умираем?*

Наверное, ему следовало биться в бессильной истерике, понимая, что будущего нет, калека долго не протянет в тяжелых условиях повседневного существования, где каждый человек должен быть на что-то годен, приносить ощутимую пользу.

Значит, интуитивно он был прав, когда в отчаянии сжимал сенсор термической гранаты с решимостью подорвать себя и подбиравшихся ксеноморфов?

Зачем Доминик спас его? К чему автоматическая система тратила невосполнимый ресурс, выхаживая калеку? Что он сможет сделать, когда выйдет отсюда? Доковылять до ближайшей баррикады и подороже продать вновь обретенную жизнь?

Мысли кружились в ирреальном танце, их гасил, поглощал ненатуральный всеобъемлющий покой, навязанный ему реанимационной системой.

Прошло немало времени, прежде чем Астафьев вновь попробовал пошевелиться, и эта попытка, к его удивлению, увенчалась некоторым успехом

Судя по ощущениям, обе руки и нога были пристегнуты к металлопластиковым поручням, предохраняющим его от падения на пол. — Николаю удалось лишь повернуть голову, почувствовав, что волосы наголо обриты, а свободу движения ограничивают какие-то тонкие гибкие трубки.

В поле зрения попал стол, венчавшийся шеренгой компьютерных терминалов На поцарапанной столешнице лежат мохнатый слои пыли, в котором пропечатались смазанные следы. Наверное, их оставил Ван Хеллен, когда принес сюда бесчувственное тело.

Некоторое время Николай занимал себя тем, что всматривался в надписи, то и дело возникающие на экранах плоских мониторов, расположенных под острым, неудобным для восприятия

углом относительно его ложа.

В состав штурмовых групп обязательно входил компьютерный техник. Это звучало громко, если учитывать глубину познаний Астафьева в области кибернетики. Да, он читал древние наставления, но мало что понимал в них. В период усиленной подготовки его попросту заставили вызубрить последовательность команд, которые он должен был ввести в главный компьютер, чтобы ресурсы Мира были перераспределены в пользу людей.

Их группа попала в засаду и была уничтожена, не преодолев и половину пути до заветного центра управления. Судя по отголоскам близкого боя, другим отрядам также не удалось победить в схватке за ежегодное перераспределение ресурсов.

Зачем мы живем?

Мысль периодически поднималась из глубин подсознания, примешиваясь к обрывочным болезненным воспоминаниям.

Неужели Мир был изначально создан для мучительной борьбы двух ненавидящих друг друга рас?

Вопросы без ответа.

Кто он такой, чтобы думать о сути мироздания? Пройдет немного времени, и автоматическая система отпустит его, погаснут экраны мониторов, смолкнет писк индикационных сигналов, возможно, весь комплекс замрет, погрузившись во мрак энергосберегающего режима, равнодушный, безучастный, пока на место Николая не принесут кого-то другого, жестоко искалеченного в бою.

Это тоже жизнь? — думал он, глядя на перемигивающиеся огоньки терминалов. — *Или ее подобие?*

Геометрические узоры света расплывались перед глазами, и зрение неожиданно сфокусировалось на иных деталях окружающей обстановки: посреди стола стояла пустая чашка, крепко присохшая к поверхности выплеснувшимся когда-то кофе. Бурый, похожий на кляксу ободок окружал ее, рядом лежали покоробленные листы пластбумаги, из-под которых виднелся краешек непонятного прямоугольного предмета.

Рядом со с голом стояло кресло, укрепленное на дугообразном монорельсе.

Кто приходил сюда, чтобы сесть в него? — Разум Николая машинально выстраивал логическую цепочку причин и следствий: — *Раз здесь осталась чашка с недопитым кофе, значит, был и человек, следивший за показаниями приборов,* — думал он, —

человек, понимавший смысл появляющихся на экранах сообщений, не испытывающий страха и неприязни к непонятным машинам…

Рассуждение оказалось неожиданным, оно потревожило разум сильнее, чем иные переживания.

Теперь Астафьев уже не просто скользил сомнамбулическим взглядом по тусклым экранам, а пытался осмыслить появляющиеся на них символы, сложить их в слова и строки лаконичных сообщений. В другое время это показалось бы ему сверхзадачей — разве можно понять таинственные процессы, протекающие в недрах автоматизированных комплексов, используя только знание древнего алфавита?

Если бы не одиночество и воздействие успокаивающих препаратов, нивелирующих

эмоциональные всплески, он никогда бы не смог вот так часами лежать, глядя на ровные шеренги контрольных мониторов, и читать, невольно шевеля губами, а потом долго размышлять над смыслом понятных или, наоборот, неизвестных ему слов, пытаясь постичь контекст кратких сообщений.

Теперь время вообще перестало существовать для него.

Он доводил себя до полного морального изнеможения, пока не впадал в глубокий сон, но, проснувшись, вновь принимался за прежнее занятие.

* * *

Настал день, когда захваты, сковывающие его запястья и лодыжку, автоматически открылись.

Николай повернул голову и понял,

что, пока он спал, исчезли оплетавшие его тело провода и трубки.

Он был исцелен и свободен.

Страшно ощущать себя калекой… Астафьев в полной мере познал это чувство, беспомощно перевалившись за низкий бортик отключившейся реанимационной камеры.

Пол был холодным, давно не мытым, вокруг валялись элементы гермоэкипировки, бурой заскорузлой грудой лежала его пропитанная кровью одежда. Пластик облицовки лип к коже, озноб мурашками полз по нагому телу, чувство полнейшей беспомощности в какой-то миг придавило, будто внезапно рухнувшая плита…

Ему хотелось закричать, взвыть, сломать внезапно окружившую его разум хрупкую тишину, но из горла вырвался лишь сдавленный хрип.

Похудевшая рука дотянулась до

изгибающегося монорельса, дрожащие от напряжения пальцы вцепились в него, неловко подтаскивая тело к заветному креслу.

Николай отчетливо понимал — отныне он предоставлен сам себе. Зная, что беспомощного, бесполезного для остальных людей калеку ожидает неминуемая гибель в жестких условиях непрекращающейся борьбы за выживание, он инстинктивно, как утопающий за соломинку, ухватился за призрачную надежду, зародившуюся в последние дни.

Если б не ранение и долгий период вынужденного бездействия, когда работал только разум, он никогда бы не пришел к парадоксальному, с точки зрения традиционных взглядов, выводу: расположенными вокруг машинами раньше управляли люди. Это вселяло страх и надежду.

С трудом подтянувшись, он кое-как вскарабкался в кресло.

Пальцы по-прежнему дрожали, физические усилия после долгой неподвижности давались с неимоверным трудом, нагое тело, несмотря на холод, покрылось липкой испариной.

Откинувшись на податливую, мягкую спинку с удобным подголовником, он некоторое время сидел, приходя в себя после совершенных усилий.

Наконец разноцветные искры перестали мельтешить перед глазами, непроизвольная дрожь понемногу улеглась, оставив ощущение ломоты в ослабевших от долгой неподвижности мускулах.

Сколько дней Астафьев смотрел на этот стол, предвкушая минуту, когда сможет наконец сесть в кресло и…

Он протянул руку, сдвинул листы пластбумаги, освобождая из-под них странный предмет, уголок которого долго терзал его воображение.

Серый, ничем не примечательный прямоугольник, размером с человеческую ладонь.

Николай перевернул его, сдул пыль, с замиранием сердца наблюдая, как свет упал на матовую поверхность, преломился, и тонкая пластина внезапно приобрела объем, открывая взгляду навек запечатленное изображение молодой улыбающейся женщины.

«Френку от Катрин».

Его внезапно бросило в жар.

Ник всматривался в удивительные, *живые* черты незнакомой женщины, понимая, что никогда не видел такого нежного открытого взгляда; ямочки на щеках, счастливая улыбка, длинные

вьющиеся волосы — все это создавало нереальный, потусторонний образ… Астафьев сидел, будто завороженный, и смотрел на голографический снимок, который сказал ему все, дал интуитивный ответ на большинство казавшихся неразрешимыми вопросов: да, была иная жизнь, смысл которой не сводился к количеству убитых ксеноморфов, — он играл на губах незнакомки недоступным пониманию *счастьем.*

Николай забыл про холод и дрожь.

Он невольно вспоминал свой небогатый опыт общения с представительницами противоположного пола: образы современниц, суровые, неприветливые, накладывались на снимок, словно гротескные, ломающиеся тени: и в голову вдруг пришла ясная, осознанная мысль: их борьба, лишения, схватки с

Чужими — это не жизнь, а уродливый отголосок прошлого…